

УДК 81'38

**ТЕРМИНООБОЗНАЧЕНИЕ «КОРНЕВОЙ ПОВТОР»
В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

© 2014 г.

А.М. Надежкин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

aleksej1001@gmail.com

Поступила в редакцию 17.05.2013

Анализируется проблема научной интерпретации термина «корневой повтор», а также понятий, обозначающих смежные с ним явления. Устанавливается строгая понятийная отнесенность терминологического обозначения «корневой повтор».

Ключевые слова: М.И. Цветаева, язык поэзии, лингвопоэтика, корневой повтор, терминология.

Понятие «корневой повтор» еще не нашло строгого теоретического освещения в современной науке. Выделение корневого повтора в качестве особого приема выразительности или стилистического тропа представляет собой серьезную теоретическую проблему, так как до конца не выяснен объем и содержание этого научного понятия. Некоторые ученые вообще исключают корневой повтор из ряда средств языковой и художественной выразительности.

Вообще исследователи выделяют несколько стилистических фигур, построенных на повторе: «к стилистическим фигурам добавления относятся разного рода повторения: 1) **удвоение** («Мечты, мечты, где ваша сладость?»), 2) **анафора** («Клянусь я первым днем творенья, / Клянусь его последним днем!»), 3) **эпифора** («Струится нетихнувший дождь, томительный дождь»), 4) **кольцо** («Мутно небо, ночь мутна»), 5) **эпанафора** (стык) – повторение конца фразы или строки в начале следующей («О, весна без конца и без края, без конца и без края мечта!»). К синтаксическим фигурам повторения относят также **синтаксический параллелизм**, то есть повторение не слов, а синтаксической модели («Уланы с пестрыми значками, драгуны с конскими хвостами») [1, с. 353].

Термин «**корневой повтор**» появился недавно, но сама проблема понятий, объединенных одним корнем, освещалась в довольно ранних исследованиях, связанных с изучением плеоназмов. Так, Г. Суит считал предложения «белизна – характерное свойство снега», «снег белый» и «белый снег» идентичными, поскольку использование признака вместо атрибута является чисто формальным приемом, который, по мнению ученого, дает возможность употребить атрибут как подлежащее [2, с. 17–18]. Характерно, что О. Есперсен соглашался с Г. Суитом в том, что white и whiteness «одинаково аб-

страктны», однако важно, что О. Есперсен возражал против утверждения семантической тождественности данных слов: «различие, возможно, очень тонкое, но оно все же существует, иначе зачем бы потребовалось всем народам иметь отдельные слова для этих двух понятий?» [3, с. 154–155]. Причем О. Есперсен использует антропный аргумент для защиты своей теории, изначально абсолютизируя язык. Очевидно, что плеонастическое выражение «белый снег» должно было отличать обычный снег от талого, темного. Г. Суит поднимает острую проблему разницы между понятийными, синтаксическими и корневыми плеоназмами. Согласимся с О. Есперсеном, что по-настоящему плеонастическими выражениями могут стать только нагромождения корневых повторов типа «масло масляное», «мед медвяный». Такие выражения, как «белый снег», нужно признать ложными плеоназмами, потому что определение в этом случае не принадлежит исключительно определяемому слову, а целому классу белых объектов (белые цветы, белая ткань и т. д.).

Л. И. Тимофеев включает в число повторов **градацию** («Не час, не день, не год уйдет») и **хиазм** – перевернутый параллелизм («Одни едят, чтобы жить, другие живут, чтобы есть») [1]. Хиазм не может вырваться за пределы тех словоформ, которые указаны в первой части этого приема, он способен лишь варьировать форму словоизменения внутри одной парадигмы (жить – живут; есть – едят). Таким образом, хиазм оказывается частным случаем полиптиота. Включение Л.И. Тимофеевым в число повторов градации говорит о том, что автор не разграничивает корневой повтор как прием и как способ организации текста, на основе которого могут возникать другие тропы и фигуры речи. Думается, что, когда с помощью корневого повтора изменяются логические отношения между сло-

вами или появляются новые логические связи, мы имеем дело с приемом, а когда корневой повтор становится основой для формирования стилистических фигур и тропов, новых значений слов, неологизмов, то перед нами корневой повтор как способ организации текста.

В научной литературе корневой повтор (или синонимичные ему «анноминация», «деривационный повтор») упоминается, но не описывается подробно. Развивают тему изучения повторов авторы «Словаря литературоведческих терминов», Л. Тимофеев и С. Тураев, признавая, что «к стилистическим фигурам, относимым в неудачно выделяемую группу «созвучия», относится так называемая «анноминация» – соединение слов одного корня, но грамматически различных («Бегут, меняясь, наши лета, меняя все, меняя нас»), антанакласис – повторение слова в различных значениях («супруга одна в отсутствии супруга») [1, с. 353–354].

Такие приемы, как анафора, эпифора, эпанафора, кольцо, являются не корневым повтором, а повтором всей словоформы, поэтому выходят за пределы нашего исследования. Эти фигуры речи являются полиптомом, повтором одной формы слова или разных форм одного и того же слова. Синтаксический параллелизм, если он не сопровождается лексическим повтором, тоже не может быть отнесен к виду корневого повтора.

Наиболее интересными в классификации по словарю Л.И. Тимофеева, С.В. Тураева являются «анноминация» – это и есть корневой повтор и «антанакласис» – вид корневого повтора. Однако автор не уточняет, какое именно грамматическое различие должно быть при анноминации. Если это различие грамматических форм одного слова, то мы имеем дело с тем же полиптомом, а если различие разных слов с разным лексическим значением или относящихся к разным частям речи, но связанных одним корнем, то мы имеем дело с корневым повтором.

Не различает паронимическую аттракцию и корневой повтор и О.Г. Ревзина. Кроме того, корневой повтор она называет деривационным [4, с. 271–272], с чем нельзя согласиться, потому что под деривационным повтором можно понимать и повтор корней, и повтор аффиксов, и повтор окончаний (например, точную рифму).

А.С. Баймуратова в своей диссертации «Абстрактные существительные на *-ость* в русской поэзии XX века» касается вопроса изучения корневого повтора в рамках своей темы, но исследование повтора одного суффикса является настолько частной проблемой, что не может пролить свет на суть вопроса о механизмах порождения смысла при использовании корневого или деривационного повтора, потому что для

этого необходим комплексный анализ, не замыкающийся в рамках одной морфемы. Используя примеры с деривационным, суффиксальным повтором, она обращает внимание только на то, что окказионализмы, возникшие при использовании данного повтора, «обладают символическим обобщенным значением, но, будучи образованными в форме мн. числа, имеют свойства конкретных существительных», ссылаясь при этом на Л.В. Зубову [5, с. 87; 6, с. 58–59].

А.С. Баймуратова утверждает, что «идиостиль М.И. Цветаевой отличается высокой степенью изученности» [6, с. 140], при этом называются лишь два комплексных исследования Л.В. Зубовой и О.Г. Ревзиной и не упоминается о необходимости специальных работ для детального изучения отдельных стилеобразующих приемов.

Приводя в качестве примера «группы существительных на *-ость* с конкретной семантикой, выделяя лексемы, обозначающие предмет или лицо», синтаксический и полный лексический повторы, А.С. Баймуратова абсолютно игнорирует при анализе этот прием выразительности: «Две вечности, две зелени: / Лавр. Мирт / Родства не предали! (о растениях); Прелесть гибнет, а зрелость спит? (о девушке и гражданах)».

Статистический анализ повторяемости слов на *-ость* приводит исследователя к мысли о чрезвычайно частом использовании полного лексического повтора, выходящего за рамки суффиксального: «Поэзия Цветаевой позволяет найти пример, когда часто встречающаяся в ее текстах лексема на *-ость* – отвлеченное *молодость* (24 словоупотребления) не только становится внутренним адресатом текста, но и выносится в заглавие. Название «Молодость» объединяет два стихотворения («Молодость моя! Моя чужая...», «Скоро уж из ласточек – в колдуньи...»), в которых заглавная лексема повторяется 9 раз, в том числе в сильных позициях начала и конца текста, причем каждый раз повтор является анафорическим. [6, с.140–146].

А.С. Баймуратова показывает, что для словообразовательного повтора характерна актуализация деривационных связей. Это в равной степени справедливо и для корневого повтора. «К характерным языковым особенностям текстов Цветаевой можно отнести широкое использование корневых повторов, среди которых обнаруживаются примеры с именами на *-ость*: «Да, я тебя уже ревную, / Такою ревностью, такой!» При этом ученый указывает в примерах не столько деривационный, сколько корневой повтор. Менее традиционным является повтор, встречающийся в стихотворении «Поезд

жизни»: *На всех, на все – равнодушьем глаз, / Которым конец – исконность».*

Благодаря поэтической этимологии, основанной не только на фонетической близости лексем «конец» и «исконность», но и возможности вычленив общий квазикорень *кон, устанавливается тесная связь слов, проявляющаяся в том числе и на синтаксическом уровне (использование предложения идентификации). Не анализируя подробно группу корневых повторов, указывающих на противопоставление понятий, автор говорит о ее распространенности в поэзии М. Цветаевой: *«В мире... Где вдохновенные хранят, как в термосе! / С этой безмерностью / В мире мер?».* Из нескольких приемов, использованных в этом отрывке, например, паронимической аттракции «мир мер» или корневого повтора «безмерность мер» автора диссертационного исследования интересует лишь роль приставки «без», через которую выражается отрицание. И дальше исследователь сравнивает этот случай корневого повтора со «схожими», по ее мнению, повторами, которые относятся к совершенно другому типу: префиксальному деривационному повтору: «Схожие примеры также встречаются у символистов: *«Похитил я, молодой певец, / У безнадежности – надежды, / У бесконечности – конец»* (Блок). Следует отметить, что обращение к префиксу бес- (без-) для создания неузуальных образований на -ость является распространенным в поэзии символизма...».

Примеры из текстов М.И. Цветаевой демонстрируют различные тенденции поведения абстрактных имен. Отвлеченное существительное «безмерность» свидетельствует об увеличении семантического объема: лексема, трактуемая словарями как качество по значению безмерный (достигший крайней степени, чрезмерный (МАС), вбирает в себя не только семантику производящего прилагательного, но и значения исходного звена словообразовательной цепи – непроизводного существительного «мера». В текстах М.И. Цветаевой это достигается благодаря корневному повтору, который актуализирует семантику префикса и дает возможность интерпретировать отаждективное образование не как свойство бессердечного, а как отсутствие сердца [6, с. 140–146].

Проведя экскурс в терминологию художественных приемов, основанных на повторе, необходимо дать характеристику стилистическим приемам, внешне схожим с ним, при этом указав их специфические черты, чтобы отличать их от корневого повтора.

1.1. Этимологическая регенерация – это нарочитое повторение этимологически чере-

дующихся корней [7, с. 30], например, *«Жаркой рябины / Горькую кисть»* [7, с. 33]. Здесь происходит столкновение слова с отвлеченным значением, старославянского по происхождению, с исконно русским словом, имеющим конкретное значение, которое обуславливает сильную мотивировку абстрактного понятия конкретно образным: *«Рано еще для льдов / Потусторонних стран».* Мотивировка абстрактного конкретным приводит к тому, что конкретная лексика (русизмы) уравнивается с абстрактной (славянизмы) в способности обозначать высокие понятия. При этом утверждается способность конкретно-чувственной лексики обозначать эти понятия более точно по сравнению с абстрактной» [7, с. 33].

Этимологическая регенерация может осуществляться не только при повторении родственных корней в контекстуально сближаемых словах, но и в том случае, когда дается ряд этимологически неродственных слов, но исконно синонимических: *«Завораживающая! Крест- / Накрест складывающая руки! / Разочарование! Не крест / Ты – а страсть, как смерть и как разлука. / Развораживающий настой, / Сладость обморочного оплыва»* [7, с. 35]. Синонимия корней *ворог-, чар-, морок-* с общим значением «колдовства» вызывает пристальное внимание к корню, актуализируя его на выделенных словах. [7, с. 35–36].

Однако представляется более логичным рассматривать данное явление как вид корневого повтора, главной функцией которого является стилистическая: стилизация под другой язык, другой жанр, наполнение содержания новыми смыслами, ассоциациями, которые возникают благодаря стилистическим переключкам.

1.2. Скорнение. Рассматривая специфические для творчества В. Хлебникова способы словотворчества, В.П. Григорьев выделил особую разновидность «скорнения», в основе которого, по определению поэта, «двусмыслие как начало двупротяжения слова». Скорнение этого типа – это корнеизменение, корнеумножение», «нелинейное словосложение», дающее на выходе «двумерные неологизмы» [8, с. 114].

Скорнение – значимое соположение основ двух или более слов без участия словообразовательного форманта и наложения звуковых сегментов (*каннибалиссимус* – каннибал + генералиссимус).

Этот способ образования производных слов, который еще не получил в современной науке устоявшегося единообразного обозначения: для его характеристики используются термины: «вставочное образование», «наложение», «гибридизация», «телескопия», наконец, «контами-

нация» (последний термин получил наиболее широкое распространение).

В творчестве М.И. Цветаевой этот способ словообразования не очень распространен.

Скорнение последовательно захватывает различные сферы художественной речи, при этом в текст могут включаться цепочки или даже развернутые гнезда гибридных слов, которые выполняют строевую функцию. Гибридные слова в прессе принадлежат к ключевым словам текущего момента.

Использование гибридных слов в речи требует сотворчества адресата, который должен не просто восстановить исходные единицы, подвергшиеся сокращению, но и определить новое идиоматическое значение, обогащенное обычно эмоционально-оценочными приращениями смысла. Читатель, таким образом, участвует в языковой игре [9, с. 314].

1.3. Паронимическая аттракция – это распространение фонетических подобий на семантику слов [7, с. 48].

Фон не просто влияет на восприятие звуковых повторов, заставляя подозревать в них существенные смысловые эффекты. Знание фона определяет смысловое образное напряжение любого поэтического текста. Паронимия образует и контексты, включающие в себя словообразовательные компоненты: «медноглаголым гулом», «сыновеет ночей синева».

Использование паронимической аттракции объясняется стремлением распространить методику наложения словесного состава сравнения на текст, примененную при описании стилей филологической направленности, это позволило выделить образно-устойчивую группу идиостилей словесно-денотативного типа. При дальнейшем исследовании был выдвинут уже другой признак, связанный с завуалированием ассоциативной связи словесного образа и его денотата [8, с. 94]. Во всяком случае, это не ломка грамматики, хотя и не всегда «прелесть осознанных отступлений от нормы. Можно предположить, что чаще всего поэт исходит из стилистической равноправности нормы, в том числе архаической и диалектической, и неологизма в рамках своего идиостиля, и провести некоторую параллель с идеей равенства слов перед «преломляющим Я». Должна быть принята во внимание «энтимемность» художественного мышления Хлебникова: тенденция к полемике с нормой и гладкописью, тяга к отказу от тривиальных формул, от штампов, к компрессии, а перевод замысла в нормативные поверхностные структуры оказался невозможен [8, с. 140].

В поэзии Цветаевой переходы от чисто звукового подобия к подобию морфологическому и

смысловому могут быть настолько плавными, что слова как бы перетекают одно в другое.

Для поэтического языка М.И. Цветаевой характерно обилие паронимических сближений, квазиомонимов, квазиомографов – слов, различающихся единственным звуком: «Я тебя загораживаю от зала / Завораживаю – зал!» [7, с. 48]. Созвучие внутри строки неизбежно создает внутреннюю рифму. Обращает на себя внимание тот факт, что паронимическая аттракция, связанная с использованием квазиомонимичных аффиксов, но не родственных корней, нередко опирается на совпадение звуковых различий между ними, в том числе имитирующих исторические чередования: «Мой глупый грешок грошовый»; «Сын утесом, а дочь – утехой». В произведениях М.И. Цветаевой широко распространена паронимическая аттракция анафорического типа, когда общим элементом контекстуально и семантически сближаемых слов является их начало: «Пока еще заботушкой / Не стал – прощай, забавонька!» [7, с. 50–51].

Анаграммами могут объединяться и словосочетания, члены которых как бы обмениваются слогами, в результате чего получается фонетически замкнутая конструкция с взаимным зеркальным отражением элементов, указывающих на взаимосвязь обозначаемых понятий: «Лютая юдоль – Дольная любовь» [7, с. 53].

Особые условия для звуковых переключек возникают в разного рода параллельных построениях, которые характеризуются лексическими повторами разной глубины в анафорических конструкциях. Если конец повторяет начало или переключается с ним – лексический повтор сопровождается звуковым [10, с. 205].

В целом можно утверждать, что корневой повтор является достаточно специфичным художественным средством. Он широко присутствует в фольклорных текстах, а в текстах авторов интересующего нас периода, первой половины XX в., он особенно активен только, пожалуй, у двух поэтов – В. Хлебникова, о чем говорится в работе [8], и М.И. Цветаевой.

Единственное исследование, посвященное корневому повтору в творчестве М.И. Цветаевой, – глава в монографии Л. В. Зубовой «Поэзия М. Цветаевой. Лингвистический аспект». Она дает следующее определение термину «корневой повтор – сближение однокоренных слов в словосочетании, в стихотворной строке, строфе, а также в более крупных, но структурно объединенных контекстах, является одним из проявлений такого универсального и эмоционального по своей природе приема, как повтор». Корневой повтор – это средство анализа слова в системе его образно-понятийных связей и сред-

ство познания вещей в процессе их называния» [7, с. 13].

Но под это определение может подойти целый ряд стилистических приемов, например, скорнение, паронимическая аттракция. Определение было бы более релевантным, если бы автор указал, что цель приема – актуализация этимологической, ассоциативной, символической информации путем повторения корней в ключевых словах.

Итак, несмотря на значительную работу исследователей при анализе повторов и созвучий разного типа, специального научного изучения корневого повтора так и не было проведено. Ученые, занимающиеся стилистическими приемами, лишь указывали на присутствие этого приема в текстах, часто смешивая это понятие либо с более широкими приемами, такими как *деривационный повтор*, либо, наоборот, рассматривали повтор лишь одной морфемы, не углубляясь в общую картину или выделяя корневого повтора в его разновидности и рассматривая их как отдельный прием (*стык, кольцо, этимологическая регенерация*), либо не различали корневого повтора с внешне похожими, но сущностно различными средствами выразительности, такими как *паронимическая аттракция* и *скорнение*. В связи с этой терминологической неразберихой в лингвистике назрела необходимость комплексного анализа приема корневого повтора, четкой и релевантной классификации его видов, кроме этого, также актуально изучение его функций, роли в стилеобразовании и формировании текста. Все проанализированные выше стилистические средства имеют общую с корневым повтором поэтическую функцию сближения семантически далеких слов и установления важных смысловых отношений между ними, поэтому в целях нашего исследования необходимо четко

определить объем и содержание понятия «**корневой повтор**».

Таким образом, в нашей работе с опорой на понимание этого термина Л.В. Зубовой мы выдвигаем свое определение данного научного понятия: **Корневой повтор – это сближение однокоренных слов в словосочетании, в стихотворной строке, строфе, а также в более крупных, но структурно объединенных контекстах с целью актуализации этимологической, ассоциативной, символической информации, также в других поэтических функциях путем повторения корней в ключевых словах.**

Список литературы

1. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
2. Sweet H. Collected papers of Henry Sweet arranged by H.C. Wyld. Oxford. 1913.
3. Есперсен О. Философия грамматики. М. Изд-во иностр. лит., 1958. 400 с.
4. Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. 600 с.
5. Зубова Л.В. Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология). СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. 232 с.
6. Баймуратова А.С. Абстрактные существительные на -ОСТЬ в русской поэзии XX века: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2012. 269 с.
7. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 262 с.
8. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986. 253 с.
9. Николина Н.А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество: Сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996. С. 309–318
10. Григорьев В.П., Ковтунова И.И., Ревзина О.Г. и др. Очерки истории русской поэзии XX в.: Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990. 304 с.

TERM DESIGNATION «ROOT REPETITION»: A THEORETICAL ASPECT

А.М. Надежкин

The author analyzes the problem of scientific interpretation of the term «root repetition» and of some related concepts. A strict conceptual attribution of the term is established.

Keywords: M.I. Tsvetaeva, poetry language, linguo-poetics, root repetition, terminology.

References

1. Timofeev L.I., Turaev S.V. Slovar' literaturovedcheskih terminov. M.: Prosveshhenie, 1974. 509 s.
2. Sweet H. Collected papers of Henry Sweet arranged by H.C. Wyld. Oxford. 1913.
3. Espersen O. Filosofija grammatiki. M. Izd-vo inostr. lit., 1958. 400 s.
4. Revzina O.G. Bezmernaja Cvetaeva. M.: Dom-muzey Mariny Cvetaevoj, 2009. 600 s.
5. Zubova L.V. Jazyk poezii Mariny Cvetaevoj (fonetika, slovoobrazovanie, frazeologija). SPb.: Izd-vo Sankt-Peterbur. un-ta, 1999. 232 s.
6. Bajmuratova A.S. Abstraktnye sushhestvitel'nye na -OST' v russkoj poezii XX veka: Dis. ... kand. filol. nauk. M.: MGLU, 2012. 269 s.

7. Zubova L.V. Pojezija Mariny Cvetaevoj. Lingvističeskij aspekt. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1989. 262 s.
8. Grigor'ev V.P. Slovtvorčestvo i smezhnye problemy jazyka pojeta. M.: Nauka, 1986. 253 s.
9. Nikolina N.A. «Skomenie» v sovremennoj reči // Jazyk kak tvorčestvo: Sb. st. k 70-letiju V.P. Grigor'eva. M., 1996. S. 309–318
10. Grigor'ev V.P., Kovtunova I.I., Revzina O.G. i dr. Očerki istorii ruskoj poezii XX v.: Pojetičeskij jazyk i idiosil'. Obshhie voprosy. Zvukovaja organizacija teksta. M.: Nauka, 1990. 304 s.